

- *Революция или переворот: актуальность уточнения понятий*
- *Апории демократии, деконструкция и опыт «грядущей» политики*
- *Концептуализация жизненного пространства в философии геополитики*
- *Устойчивое развитие как взаимодействие глобальных и локальных трендов*

УДК 323.27

Революция или переворот: актуальность уточнения понятий

В. Т. Новиков, кандидат философских наук, доцент;

О. В. Новикова, кандидат философских наук*

В статье рассматриваются факторы и основные концептуальные интерпретации социальной революции. Обращается внимание на актуальность адекватного использования понятий социальной и политической революции, а также государственного переворота при характеристике современных социально-политических процессов.

Revolution or Coup: the Relevance of Clarify the Concepts

V. T. Novikov, PhD in Philosophy, Associated Professor;

O. V. Novikova, PhD in Philosophy

The article discusses the factors and the basic conceptual interpretations of the social revolution. Attention is drawn to the importance of adequate use of the concepts of social and political revolution, and the coup in characterizing the contemporary socio-political processes.

На выбор данной темы повлияло прочтение книги известного политика, дипломата и общественного деятеля академика Е. М. Примакова, в которой он отмечает, что в российской политической литературе события октября 1917 г. все чаще называют «переворотом» [1, с. 7]. Причем этот термин используют не только политики правооппозиционного толка, но и ученые-политологи. Между тем, продолжает автор, определение «революция» или «переворот» имеет большое значение для понимания исторического пути России. И, следует добавить, не только России. С другой стороны, в разговорной, публицистической и даже научной лексике широко используются понятия «мягких», «бархатных», «цветных» и «сетевых» революций, даже независимо от их практических результатов. Возникает вопрос: не произошла ли революция в лексике самого общественнознания, и не девальвировался ли характерный для марксистской философской традиции смысл данного понятия?

* В. Т. Новиков, доцент кафедры философии и методологии науки факультета философии и социальных наук БГУ; О. В. Новикова, старший референт Посольства Республики Беларусь в Российской Федерации.

В частности, по словам В. И. Ленина, — не только теоретика, но и практика революционного движения, «революция есть такое преобразование, которое ломает старое в самом основном и коренном, а не переделывая его осторожно, медленно, постепенно, стараясь ломать как можно меньше...» [2, с. 222]. Вместе с тем фактор времени в революции, ее длительности хотя и является важным, но все же не решающим — главными выступают масштаб и радикальность изменений.

Обратим внимание на некоторые способствующие революциям процессы, анализ которых лег в основу современных концепций социальной революции.

Это, во-первых, процесс демографического роста при дефиците ресурсов. Данный процесс стал предметом анализа английского экономиста XIX в. Т. Мальтуса, который сформулировал закон убывающего плодородия почвы, гласящий, что если рост народонаселения происходит в геометрической прогрессии, то рост средств для жизни — в арифметической. Следствием этого является нехватка жизненных благ, ведущая к острым социальным конфликтам. В XX в. идеи английского ученого возродились в форме неомальтузианства,

но их сущность сохранилась: демографическое «напряжение» является серьезной причиной социальной нестабильности, войн и революций. Об актуальности фактора демографического роста свидетельствуют и некоторые современные футурологические прогнозы. В частности, в докладе Национального разведывательного совета США «Глобальные тенденции — 2025: меняющийся мир» отмечается, что в ближайшие 10–20 лет рост мировой экономики и полуторамиллиардный прирост населения могут привести к недостатку ресурсов, а следовательно, к радикальным изменениям в мире [3].

Во-вторых, потрясения в обществе способствуют нарушениям в воспроизводстве или перепроизводстве элиты, представляющей влиятельную и активную часть общества. В процессе социальной эволюции типичной является динамика состава элиты, предполагающая вхождение в нее наиболее деятельных и одаренных представителей широких слоев общества. Однако, как отмечал один из авторов концепции элитизма В. Парето, иногда происходят «сбои» в циркуляции элит, обусловливаемые «засорением» каналов социальной мобильности. Очищением этих каналов и призван заниматься социальная революция.

Авторы структурно-демографической концепции социальной революции, поставившие цель рассмотреть взаимозависимость процессов демографического роста, ослабления государства и динамики элиты, обращают внимание на особую роль в них перепроизводства элиты. В частности, П. Турчин [4], изучая динамику элиты Запада на протяжении ряда веков, пришел к выводу о связи вековых циклов социальной нестабильности с быстрым ростом численности правящих слоев, которым недостаточно доходов, чтобы поддерживать свой элитный статус, и которые поэтому стремятся к насильственному переустройству общества. Именно дефицит ресурсов для обеспечения запросов сформировавшейся в арабских странах и стремящейся к власти контрэлиты во многом способствовал инициации ею военных переворотов.

В-третьих, превращение масс в мощную движущую силу общественного развития. Согласно концепциям социальной революции, созданным на основе теории массового общества, именно движение широких масс народа порождает экономическую и политическую нестабильность и ведет к системному кризису общества. По мнению сторонников этой теории, в основе сопровождающихся беспорядками и насилием революционных действий масс ведущая роль принадлежит не рассудку и разуму, а эмоциям и чувствам, определяющим их спонтанный и импульсивный характер.

Об этом писал, например, один из общественно-политических деятелей и лидеров русской эмиграции Б. П. Струве: «В нашей революции 1917 г. идеи играли роль случайных украшений, орнаментальных надстроек над разрушительными инстинктами и страстями. Социалисты (коммунисты) желали воспользоваться этими инстинктами и страстями как рычагом осуществления своего идеала, а массы воспринимали идею социализма как санкцию своих стремлений, не желая вовсе ограничивать этих последних во имя идеала» [5, с. 471].

В-четвертых, крайняя неудовлетворенность масс возможностями реализации своих не только биологических, но и социально-психологических потребностей. Так, П. Сорокин писал, что «непосредственной предпосылкой всякой революции всегда было увеличение подавленных базовых инстинктов большинства населения, а также невозможность даже минимального их удовлетворения». По его мнению, подавление основных импульсов деятельности побуждает людей искать пути выхода из этой ситуации, отключая те «тормоза, которые удерживают человека от воровства, лжи, поедания запретной пищи и т. п.» [6, с. 272, 274].

В-пятых, исчерпание эволюционных возможностей в менталитете общества и, как следствие, вызванные экстремальными ситуациями мутации характерной для общества культурной традиции. В частности, говоря о причинах и сопутствующих обстоятельствах Октябрьской революции в России 1917 г., Н. А. Бердяев упоминает диктатуру мирозозерцания. По его словам, «Ленин мог это сделать только потому, что он соединял в себе две традиции — традицию русской революционной интеллигенции в ее наиболее максималистических течениях и традицию русской исторической власти в ее наиболее деспотических проявлениях». При этом роль «спускового крючка» в мутации менталитета сыграла мировая война, которая «выработала новый душевный тип, тип, склонный переносить военные методы на устройство жизни, готовый практиковать методическое насилие, властолюбивый и поклоняющийся силе» [7, с. 99, 101]. Более того, по мнению некоторых мыслителей, подобные культурные мутации сопровождали всю русскую историю, что дало возможность известному поэту и художнику Максимилиану Волошину лаконично отразить ее механизм:

«...Европа шла культурною огня,

А мы в себе несем культуру взрыва...» [8, с. 156].

В-шестых, кризис в осуществлении процесса модернизации политической системы, направленного на трансформацию ее базовых институтов, норм и ценностей, а потому затрагивающий все сферы жизни общества. В рамках концепции

политической модернизации рассматриваются различные модели осуществления: «типовая», «догоняющая», «частичная», «тупиковая». Последняя модель связана с игнорированием причин возникновения локального политического конфликта и перерастанием его в глобальный конфликт, разрастающийся в форме социальной революции.

Выделяют различные закономерности «тупиковой» модернизации, следствием которой становится социальная революция. Так, С. Хантингтон в качестве форсирующего начало революции фактора называет противоречие между высоким уровнем активности масс и низким уровнем обновления политических институтов. В свою очередь Ф. И. Тютчев вывел кажущуюся парадоксальной закономерность: «В истории человеческих обществ существует роковой закон, который почти никогда не изменял себе. Великие кризисы, великие кары наступают обычно не тогда, когда беззаконие доведено до предела, когда оно царствует и управляет во всеоружии силы и бесстыдства. Нет, взрыв разражается по большей части при первой робкой попытке возврата к добру, при первом искреннем, может быть, но неуверенном и несмелом поползновении к необходимому исправлению...» [9, с. 183].

В-седьмых, конфликт в развитии системы общественного хозяйства, ведущий к радикальным изменениям во всей системе общественных отношений. Он является основой для интерпретации феномена социальной революции в марксизме, который в данном вопросе выступает в роли оппонента отдающей приоритет социальной эволюции и общественным реформам концепции политической модернизации.

В марксистской теории общественного развития обращается внимание на ведущую роль объективного механизма, лежащего в основе развития общества. В частности, действие такого объективного механизма четко прописано К. Марксом в предисловии к работе «К критике политической экономии»: «На известной ступени своего развития материальные производительные силы общества приходят в противоречие с существующими производственными отношениями, или — что является только юридическим выражением последних — с отношениями собственности, внутри которых они до сих пор развивались. Из форм развития производительных сил эти отношения превращаются в их оковы. Тогда наступает эпоха социальной революции» [10, с. 7].

Заметим, что при рассмотрении диалектически противоречивого характера исторического развития общества следует учитывать следующие два обстоятельства. Первое: как общественно-истори-

ческий процесс революция обусловлена действием двух факторов — объективного и субъективного. Абсолютизация одного из них способна привести к искажению реальной картины социодинамики. Так, абсолютизация роли объективного фактора, то есть не зависящих от людей общественных отношений и условий, в которых осуществляется их деятельность, приводит к фатализму, а абсолютизация роли объективного фактора — основанной на сознании и воле деятельности людей формирует волюнтаризм в понимании истории.

На основании сказанного К. Марксом может сложиться впечатление, что для него характерна фаталистическая интерпретация революции. Но в ряде других работ немецкий мыслитель говорит о том, что в обществе объективные закономерности всегда проявляют себя через деятельность людей, осознающих свои жизненные интересы и ставящих определенные цели. Тем самым проявляющаяся в конфликте производительных сил и производственных отношений объективная закономерность осуществления социальной революции опосредована идейными, субъективными мотивами классовой борьбы, которые побуждают людей к действию. Поэтому мнение, что для К. Маркса характерна фаталистическая интерпретация революции, превращающая ее в исторически неизбежное явление, не соответствует действительности.

Очевидно, что как в развитии общества в целом, так и в осуществлении революционных изменений объективный и субъективный факторы взаимно дополняют друг друга. Это означает, что социальная революция имеет объективные основания и в этом смысле не является следствием человеческого произвола. С другой стороны, это означает, что социальная революция существенным образом зависит от самого общества, а значит, являясь лишь крайней, экстремальной формой социального конфликта, поддается предотвращению и регуляции.

В этой связи обратим внимание на характеристику диалектической противоречивости всемирно-исторического процесса, данную Гегелем. Именно она служит теоретическим основанием марксистского понимания взаимосвязи объективного и субъективного факторов в осуществлении социальной революции. Так, вышеприведенные слова К. Маркса о существовании объективного механизма революционных изменений вполне соответствуют гегелевскому пониманию хода истории как «мерной и неотвратимой поступи Мирового духа» и как «крота истории», действия которого воплощают объективную Логическую историю исторического процесса, исторических событий. Не случайно

в своих работах К. Маркс, В. И. Ленин, А. И. Герцен вслед за Гегелем обращаются к образу «крота истории».

Однако классик немецкой философии говорит и об «иронии истории», связанной с составляющей ее субъективный фактор деятельностью людей. В изложении Ф. Энгельса она нашла отражение в письме Йозефу Блоху: «...история делается таким образом, что конечный результат всегда получается от столкновения множества отдельных волей, причем каждая из этих волей становится тем, что она есть, опять-таки благодаря массе особых жизненных обстоятельств. Таким образом, имеется бесконечное количество перекрещивающихся сил, бесконечная группа параллелограммов сил, и из этого перекрещивания выходит одна равнодействующая — историческое событие. Этот результат можно опять-таки рассматривать как продукт одной силы, действующей как целое, бессознательно и безвольно. Ведь то, чего хочет один, встречает противодействие со стороны всякого другого, и в конечном результате появляется нечто такое, чего никто не хотел «...» Но из того обстоятельства, что воли отдельных людей, каждый из которых хочет того, к чему его влечет физическая конституция и внешние, в конечном счете, экономические, обстоятельства (или его собственные, личные, или общесоциальные), что эти воли достигают не того, чего они хотят, но сливаются в нечто среднее, в одну общую равнодействующую, — из этого все же не следует заключать, что эти воли равны нулю. Наоборот, каждая воля участвует в равнодействующей и постольку включена в нее» [11, с. 395–396].

Применительно к революции суть «иронии истории» он выразил в письме Вере Засулич: «Люди, хвалившиеся тем, что сделали революцию, всегда убеждались на другой день, что они не знали, что делали, — что сделанная революция совсем не похожа на ту, которую они хотели сделать» [12, с. 310].

Второе обстоятельство, которое также следует учитывать при рассмотрении роли социальной революции в жизни общества, — это недопустимость подмены ее объективного рассмотрения оценочным отношением. В литературе существует две противоположные позиции в оценке этой роли. Первая из них связана с характеристикой К. Маркса социальных революций в качестве «локомотивов истории» и является сугубо позитивной. Вторая же представлена в оценках социальной революции как безусловного зла для человека и общества. Как и любые оценки, данные квалификации роли революции в развитии общества весьма условны и не могут претендовать на статус истины.

Наконец, третье обстоятельство касается необ-

ходимости более строгого различения феноменов социальной и политической революции. Понятие социальной революции шире понятия политической революции, поскольку предполагает радикальные, затрагивающие основания социального бытия изменения. Это преобразования не только в политическом строе (устройстве государственной власти), но и в системе хозяйства (организации материального производства) и культуре (образе жизни, системе ценностей, идеалов и жизненных ориентаций народа) — иными словами, во всех основных сферах общественной жизни. В этом смысле интерпретация социальной революции К. Марксом является наиболее убедительной, а те масштабные и глубинные изменения, которые произошли в итоге октябрьских событий 1917 г., имели отчетливо выраженный революционный характер.

Этот же характер носили преобразования, инициированные политикой перестройки, а затем и распадом СССР. Они привели к фактическому уничтожению единого народнохозяйственного комплекса страны и радикальному изменению форм собственности — в России, в частности, способствовали появлению криминального капитала и олигархического монополизма, которые дискредитировали саму идею возникавшей честной свободной конкуренции, гражданского общества, правового государства. Они способствовали радикальным пертурбациям в системе государственного управления, политике, культуре, образе жизни, межнациональных отношениях, системе ценностных приоритетов, даже в менталитете общества. Эти изменения носили фронтальный и кардинальный характер, что позволяет говорить о произошедшей социальной революции.

С другой стороны, процессы, которые зачастую именуют социальными революциями, таковыми по сути не являются. Речь идет о «цветных» революциях в некоторых постсоветских государствах или революциях «арабской весны» 2011 г. Они имели видимый характер политических революций, хотя критерием того, что это именно революции, а не во многом инспирированные извне государственные перевороты, могут служить только последующие изменения в политическом строе. А они далеко не очевидны ни в Украине, ни в Грузии, ни в Киргизии, ни, тем более, в арабском мире.

Так, имевшая большой общественный резонанс «оранжевая революция» в Украине являлась революцией не по существу, а только по имеющему метафорический смысл названию — она не привела не только к каким-либо значимым социально-экономическим изменениям, но существенно не отразилась даже на модернизации политического

строю республики. Об этом свидетельствуют слова, сказанные спустя год после рассматриваемых событий в интервью газете «2000» главы Верховной Рады Украины Владимира Литвина, прямо назвавшего «оранжевую революцию» «легким дворцовым переворотом, который расставил все на прежние места» и заметившего далее, что «те события не изменили страну. Они только дали шанс изменить Украину. Построить каркас демократии — политической, социальной, экономической». Он также выразил мнение, что «после того воистину гражданского прорыва сейчас имеем понижение «революционной кривой». «Люди ждут, когда их начнут осчастливливать. Но пока что вожди осчастливливают самих себя» [13].

В этой связи показательно, что следующий политический режим — режим правления политических противников «оранжистов» — каких-либо «контрреволюционных» мер не предпринимал. Реставрация прежнего, нарушенного «революционерами» политического порядка не потребовалась, поскольку он, по сути, не нарушался.

Не менее метафоричным является использование термина «сетевые революции». Говоря о факторах, способствовавших активным политическим сдвигам в арабских странах в 2011 г., Е. М. Примаков отмечает, что эти события во многом продиктованы недооценкой со стороны властей влияния модернизации на общество в арабском мире, особенно на молодое поколение: «Общение по Интернету, мобильным телефонам дало возможность «сорганизоваться» для выхода на улицу тем, кто негодовал по поводу бедности, безработицы, ущемления демократии, коррупции». Интернет-ресурсы, в частности проведение серии имевших остро критический характер интернет-форумов, активно использовались в организации имевших видимость стихийных протестных, а затем и насильственных акций в Тунисе, Египте, Йемене и ряде других арабских стран. В частности, после начала событий в Тунисе, в Египте молодежное «Движение 6 апреля», насчитывающее около 70 тысяч человек, объединенных главным образом социальными сетями Facebook, Twitter и YouTube, прибегло к онлайн-активности, призывая включиться в антипрезидентские демонстрации [1, с. 191–193].

В этом смысле сетевой ресурс является не более чем одним из средств осуществления возможных революционных преобразований, но не выражает их сущности — его роль в этих процессах сугубо инструментальна. Или, как заметил М. Нелсон, специалист по изучению влияния Интернета на социум, работающий в Джорджтаунском университете, «в конечном счете не Интернет вызывает

революцию, но он способствует ей, точно так же как изобретение печатного станка в XV в. помогло распространению протестантской Реформации в Европе, облегчив обмен информацией» [14]. Но его значение нельзя и принижать, поскольку речь идет о весьма эффективном информационном оружии нового поколения. Причем оружию обоюдоостром — как иронично подметил известный публицист М. Соколов, если в феврале 2011 г. Х. Клинтон восхищалась, то уже в августе того же года британский премьер Дж. Кэмерон гораздо менее восхищался попыткой «твиттер-революции» в Альбионе, сопровождавшейся грабежами и погромами [15].

В целом же, в полной мере судить о том, какой характер — социальной, национально-освободительной или политической революции, государственного переворота или какую-либо другую форму — имеют радикальные изменения общества, можно лишь по истечении времени. Не случайно существует сентенция, согласно которой революцией называют переворот, который удался. Следует добавить — удался в том смысле, что действительно произошли кардинальные, затрагивающие основы общественной жизни изменения. Именно поэтому фактор времени (а не по тому, насколько быстро удалось захватить властные позиции и разрушить старый порядок) значим в квалификации революции. В отличие от бунта, восстания, переворота, следствием которых выступает «негативная свобода», революция по своей объективной логике предполагает достижение «позитивной свободы» — она, по крайней мере в потенции (на этом особенно настаивали как классики марксизма, так и анархизма), обладает созидательной, творческой силой.

В заключение отметим, что революции в обществе не являются чьей-то прихотью, а обусловлены многими обстоятельствами. Социальные революции, поскольку они ведут к радикальным изменениям в обществе и его дестабилизации, для рядового человека всегда — независимо от того, вооруженным или мирным путем они осуществляются, — означают серьезные испытания и лишения. Поэтому предпочтительным для него является развитие на основе реформ, используя которые можно планомерно и поступательно осуществлять качественное преобразование общества в его же интересах.

Список цитированных источников

1. *Примаков, Е. М.* Мысли вслух / Е. М. Примаков. — М., 2011. — С. 7.
2. *Ленин, В. И.* Полн. собр. соч. / В. И. Ленин. — Т. 44. — С. 222.

3. Эхо планеты. — 2009. — № 42.
4. *Быков, П.* Накануне великой революции США: опыт строительства империи / П. Быков // Эксперт. — 2008. — № 42 (631).
5. *Струве, П. Б.* Исторический смысл русской революции и национальные задачи. Вехи. Из глубины / П. Б. Струве. — М., 1991. — С. 471.
6. *Сорокин, П. А.* Человек. Цивилизация. Общество / П. А. Сорокин. — М., 1992. — С. 272, 274.
7. *Бердяев, Н. А.* Истоки и смысл русского коммунизма / Н. А. Бердяев. — М., 1990. — С. 99, 101.
8. *Волошин, М.* Избранное: стихотворения, воспоминания, переписка / М. Волошин. — Минск, 1993. — С. 156.
9. *Тютчев, Ф. И.* Сочинения: в 2 т. / Ф. И. Тютчев. — М., 1980. — Т. 2. — С. 183.
10. *Маркс, К.* Сочинения / К. Маркс, Ф. Энгельс. — Т. 13. — С. 7.
11. *Маркс, К.* Сочинения / К. Маркс, Ф. Энгельс. — Т. 37. — С. 395—396.
12. Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями. — М., 1951. — С. 310.
13. *Литвин, В.* «Оранжевая революция» — это «дворцовый переворот» / В. Литвин [Электронный ресурс] — Режим доступа: <http://faza.ua/news/04.11.05/14358.html>. — Дата доступа: 10.09.2012.
14. В США разрабатывается информационное оружие нового поколения // Столетие. Интернет-газета — 5 июня 2012 года [Электронный ресурс] — Режим доступа: http://www.stoletie.ru/rossiya_i_mir/vrema_setevyh_revolucij_2011-03-16.htm. — Дата доступа: 10.09.2012.
15. *Соколов, М.* Боевое управление XXI века / М. Соколов // Эксперт. — 2012. — № 23 (806).

Дата поступления в редакцию: 15.06.2012 г.